

СУФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

ЕКАТЕРИНА ФОДОР

Суффиксальное словообразование является одним из древнейших и наиболее продуктивных способов образования новых слов в славянских языках. Этим объясняется большой интерес языковедов к данной проблеме и значительное количество работ, посвященных ей¹. И все же нельзя считать вопрос решенным. Большинство исследователей обратило внимание на частные проблемы славянского словообразования. Мало изучено, например, суффиксальное словообразование в восточнославянских языках. В существующих работах, в большинстве случаев, прослеживается эволюция одного или нескольких суффиксов имен существительных на протяжении более или менее длительного периода времени в одном из восточнославянских языков². Естественно, работы такого рода не дают целостного представления об этом интересном языковом явлении.

Автор данной статьи не ставит своей целью проследить эволюцию суффиксов имен существительных в восточнославянских языках, поскольку в этом направлении уже достигнуты известные результаты; кроме того подобная задача и не может быть решена в рамках статьи. В работе преследуется иная цель: установить общие и частные тенденции в процессе развития суффиксального словообразования в восточнославянских языках, выяснить, какова роль традиции и инноваций в этом процессе.

Славянские продуктивные суффиксы возникли, в основном, на славянской почве, поскольку древние индоевропейские суффиксы были «слишком кратки и малозначачи, чтобы сохранить свое значение до эпохи общеславянского языка»³. Славянские суффиксы образовались посредством агглютинации различных элементов⁴. Например, *-es, -os + -tb > ostb* и т.д.

Уже в период появления первых памятников письменности древнерусский язык располагал хорошо развитой системой суффиксов: ср. *роуѣсинъ*,

¹ Как известно, в числе тем, предложенных для обсуждения на IV и V Международных съездах славистов (Москва, 1958 и София, 1963), фигурировало и словообразование.

² См. *Славянское языкознание. Библиографический указатель*, часть I—II, Москва, 1963.

³ А. Мейе, *Общеславянский язык*, Москва, 1951, стр. 275.

⁴ Там же, стр. 276.

словенинъ, коупецъ, мечникъ, голокникъ, разбонникъ, голокничество, разграбление, и т.д. (*Русская правда*, XII век); княжение, пришествие, перекозникъ, Щекоица (*Повесть временных лет*, XII век); дружина, господинъ, дворанинъ, пантылкъ, кекръкъ, грамотъка, яковыцъ, Микудина, жидило, осьмунъ, лошакъ, сирота, пинко, даръ и т.д. (*Новгородские берестяные грамоты*, XI—XV вв.) и др.

Богатый и разнообразный фактический материал дает словарь И. И. Срезневского, *Материалы для словаря древнерусского языка* (т. I—III, Санкт-Петербург, 1893—1912, переизд., Москва, 1958). Проанализировав этот материал, мы пришли к следующим выводам:

1. Словообразовательная сфера суффиксов имен существительных неодинакова для различных суффиксов; суффиксы *-аръ*, *-ух(а)*, *-ьб(а)*, *-об(а)*, *-от(а)*, *-ет(а)*, *-л(я)* малопродуктивны, число существительных, выступающих с данными суффиксами в древнерусском языке, незначительно;

2. Словообразовательные модели характеризуются разнообразием: *-тель*, *-ецъ*, *-никъ*, *-щикъ* (*-чикъ*), *-иц(а)*, *-иц(а)*, *-ын(я)*, *-ин(я)*, *-н(а)*, *-н(я)*, *-ние*, *-ств(о)*, *-ие* (*-ье*) и многие другие;

3. Эти модели представлены рядом лексико-семантических групп, например¹:

а) существительные, обозначающие лиц и живые существа: *раздиратель*, *ровыня*, *роздьяконъ*, *страдажникъ*, *гъраца*, *държатель*, *стрададакъ*, *заказчикъ* и др.

б) существительные, обозначающие объекты: *зданіе*, *жаждьба*, *житница* и т.д.;

в) абстрактные существительные: *тружение*, *томительство*, *злота* и др.

Словообразовательная система способствует обогащению словаря соответствующего языка, в данном случае — древнерусского языка, что проявляется в большом разнообразии лексики памятников письменности определенного периода. В свою очередь и процесс обогащения словаря воздействует на словообразовательную систему. В древнерусском языке вплоть до XVI века были распространены образования с суффиксами *-ние*, *-тие*. Слова, образованные с этими суффиксами, обозначали абстрактные понятия, например: *забавление*, *очищение*, *разделение* и др.

Со временем, однако, продуктивность этих моделей уменьшается. Для выражения абстрактных понятий начинают использоваться модели с суффиксом *-ка*²: *оплошка*, *похвалка* и т.д.

Имена существительные с суффиксами *-ние*, *-тие* называли действие, состояние вообще, в то время как существительные с суффиксом *-ка* — более конкретное действие: действие — процесс, который зачастую связывался в представлении говорящего с конкретными обстоятельствами: с орудием, местом и объектом действия³.

До XVII в. в русском языке для имен существительных мужского рода, обозначающих действующее лицо, была очень продуктивной модель с суффиксом *-никъ*: *трудоуникъ*, *ключникъ*, *мечникъ*, *перекозникъ* и др. В XVII веке

¹ Примеры взяты из *Материалов...* И. И. Срезневского.

² Около 70 отглагольных образований с суффиксом *-ка* зарегистрировано в словаре И. И. Срезневского и 1042 — в словаре Д. Н. Ушакова. См. Н. П. Романова, *Отглагольные имена на -ка и некоторые родственные образования в истории русского языка XI—XVI вв.*, в сб. «Дослідження з мовознавства», Київ, 1962, стр. 141.

³ Там же, стр. 141.

параллельно начинают употребляться модели с *-никъ* и *-цикъ* (*-чикъ*). Постепенно модель с суффиксом *-никъ* становится непродуктивной, а модель с *-цикъ* начинает охватывать все большее количество имен существительных мужского рода со значением действующего лица: *подкопщикъ*, *обмерщикъ*, *овкорщикъ*, *перекозчикъ* и т.д.

В современном русском языке из 5400 слов, обозначающих действующие лица мужского рода, в *Толковом словаре русского языка* Д. П. Ушакова 15% составляют имена существительные с агентивным суффиксом *-чик* (*-чикъ*)¹.

Факты, подобные выше названным, не единичны в древнерусском языке.

Появление новых слов, расширение или конкретизация семантической сферы существующих слов, а также исчезновение некоторых слов приводят к изменениям в словообразовательной системе языка.

Итак, изменения в словаре обуславливают в известной мере изменения в словообразовательной системе. Однако, взаимодействие словообразовательной системы и словаря не является абсолютным. Первая менее подвижна, нежели вторая. Для древнерусского языка характерны три основных тенденции: 1) тенденция к сохранению непродуктивных словообразовательных моделей; 2) тенденция к расширению сферы функционирования существующих словообразовательных моделей; 3) тенденция к созданию новых моделей.

Определенные модели становятся менее продуктивными или непродуктивными в процессе образования новых слов, принадлежащих новой лексико-семантической группе. Семантика существующей модели больше не отвечает новым потребностям общения (см. примеры, приведенные выше). Однако, в подавляющем большинстве случаев модели не утрачиваются языком. Сохраняясь в других лексических группах, они тем самым становятся лишь относительно непродуктивными и в других исторических условиях развития языка вновь расширяют сферу своего употребления. Так, например, в советский период развития восточнославянских языков появляется значительное количество новых слов. В связи с этим возрастает продуктивность существовавших в древнерусском языке моделей и ставших со временем малопродуктивными². Большую роль в этом процессе играет и фактор взаимовлияния восточнославянских языков³.

По древним моделям образовались окказиональные слова. Ср. у В. В. Маяковского: *многопудье*, *королевка*, *паспортина*, *божище*, *божик*, *дамы*, *войница*, *нэпчик*, *плачик*, *смертишка*, и др.; у других писателей: *шумилы*, *нылы*, *задуха*, *торопня*, *шутилка*, *таскотня*, *нутряк*, *напутье*, *крутина* и т.д.⁴

Аналогичные случаи использования древних словообразовательных моделей встречаются в произведениях украинских писателей XIX века. Например, в пьесах М. Старицкого: *перекрутень*, *приємність*, *непріятність* и др.;

¹ См. А. Г. Лыков, *Некоторые особенности суффикса лица -чик (-чикъ)*, «Вопросы языкознания», 1958, № 1.

² См. например, Е. И. Сенин, *Из наблюдений над продуктивными типами суффиксальных новообразований советской эпохи*, «Русский язык в школе», 1958, № 5.

³ И. И. Ковалик, *Вчення про словотвір*, Львів, 1958; М. Г. Булахаў, *Развіццё беларускай літаратурнай мовы у XIX—XX ст.ст. ва ўзаемаадносінах з іншымі славянскімі мовамі*, Мінск, 1958.

⁴ В. Н. Хохлачева, *Индивидуальное словообразование в русском литературном языке XIX в.*, в сб. *Материалы и исследования по истории русского литературного языка*, т. V, Москва, 1962.

в произведениях Марко Вовчок: вишення, виконня, теплиня и т.п.¹ В первой половине XIX века в русском языке были в употреблении имена существительные с суффиксами *-ник*, *-ница*, *-тель*, *-ун*, *-щик*, *-ец*, *-ств(о)*, *-стви(е)* и др. типа: торжественник, смутник, роскошница, пробудитель, веселитель, хрипун, воркун, журналищик, белорусец, грузинец, бедство, действо, чувство и т.д.² И в настоящее время эти словообразовательные модели продуктивны; изменилась лишь сфера их употребления. На уровне же лексики, охватываемой вышеуказанными моделями, произошли качественные изменения: такие слова, как *бедство*, *торжественник* перешли в пассивный словарь русского языка.

Следовательно, словообразовательные модели относятся к наиболее стабильным элементам языка.

В современных славянских языках очень немного непродуктивных словообразовательных моделей. Например, академик В. В. Виноградов в качестве «мертвых» суффиксов имен существительных называет: *-то*, *-ыто*, *-но* (*сито*, *корыто*, *пшено*, *сукно* и т.п.)³.

Нам кажется, что все-таки мы не можем их назвать окончательно «мертвыми». Известно немало фактов «оживления» «мертвых» суффиксов в восточнославянских языках.

В процессе развития древнерусского языка ряд словообразовательных моделей расширил сферу своего употребления. Например, суффикс *-никъ* до XVI века выступал в основном в словах со значением действующего лица: *блжнникъ*, *клячникъ*, *целокальникъ* и др. (И. И. Срезневский, *Материалы...*). В памятниках письменности XVI века встречаются слова с этим суффиксом, называющие предметы: ср. *курникъ* со значением «широг с куриным мясом»⁴. Становится продуктивной модель с суффиксом *-ние*: он появляется не только в абстрактных именах существительных южнославянского происхождения (старославянского, типа *согрѣшнїе*, *соблюданїе*, *успанїе*. И. И. Срезневский, *Материалы...*), но и в словах восточнославянского происхождения, используемых в разговорной речи (*игранїе*, *стрѣлянїе*, *крычанїе* и др.). То же самое можно сказать и о суффиксе *-ство*, заимствованном из старославянского. В XVI в. и особенно в XVII в. модель с суффиксом *-ство* охватит значительное количество слов восточнославянского происхождения.

Новообразованием в словообразовательной системе восточнославянских языков станет модель с суффиксом *-щик* (*-чик*)⁵. Позже количество новых моделей увеличится по мере проникновения в восточнославянские языки слов из различных западноевропейских языков. В период складывания трех восточнославянских языков: русского, украинского и белорусского — старая восточнославянская словообразовательная система войдет составной

¹ См. К. Білодід, *Курс історії української літературної мови*, Київ, 1958, стр. 364, 408—409.

² Л. А. Булаховский, *Русский литературный язык первой половины XIX века*, Москва, 1954, стр. 48—58.

³ В. В. Виноградов, *Русский язык*, Москва, 1947, стр. 125.

⁴ А. В. Даневич, *Некоторые особенности словообразования в языке русских повестей второй половины XVII века*, Киев, 1958, стр. 18.

⁵ Эта модель отсутствует в работе А. Мейе, *Общеславянский язык*, Москва, 1951. Позже она шире будет использована русским языком. Суффикс *-щик* (*-чик*) образован из суффикса прилагательного *-ск* и агентивного суффикса *-ик*. В памятниках письменности он зарегистрирован в XIII и XIV вв.

частью в словообразовательную систему каждого языка. Ср. язык русских повестей второй половины XVII века, где встречаются существительные со следующими суффиксами: *-никъ*, *-ицкъ*, *-тель*, *-ецъ*, *-арь*, *-ниц(а)*, *-иц(а)*, *-ын(я)*, *-ин(я)*, *-ух(а)*, *-ин(а)*, *-н(а)*, *-н(я)*, *-ние*, *-ьба*, *-об(а)*, *-ство(о)*, *-ие(-ье)*, *-от(а)*, *-ет(а)*, *-и(я)* и т.п.

Многие из этих моделей зарегистрированы и в лексиконе П. Беринды, *Лексиконъ славеноросский и имен тълкование* (1627): *вдокець*, *небезпеченство*, *сромота*, *злосникъ*, *кожаръ*, *анхваръ*, *породѣла*, *оутѣканье*, *чаровница*, *возница* и т.д.; и в белорусском языке XV—XVII вв.: *гонецъ*, *королница*, *нелюботь*, *вещьба*, *днина*, *дромедаръ*, *крпкость*, *вельчье*, *господарство*, *флашенье*, *прода-тель*, *снѣзникъ* и др.¹

Обогащение словообразовательной системы восточнославянских языков произойдет двумя основными путями: 1) путем образования новых вариантов словообразовательных моделей, существовавших в древнерусском языке; 2) путем заимствования некоторых словообразовательных средств из других языков в процессе заимствования слов.

Варианты моделей образовались на базе древних словообразовательных моделей общеславянского происхождения в результате изменений, имевших место в слове, прежде всего как следствие переразложения основ. Самое большое число новых словообразовательных структур возникло на базе суффиксов: **-ko*, **-to*, **-vo*, **-no*. В русском языке возникают многочисленные варианты моделей с суффиксом **-ko*: *-ик*, *-ак*, *-ок*, *-енок*, *-ка*, *-инка*, *-янка*, *-овка*, *-няк*, *-ыка*, *-чик(-ицк)*, *-льщик*, *-ник*, *-льник*, *-ач*, *-ец*, *-лец* и др.²; в белорусском языке: *-к*, *-ка*, *-ак*, *-ик*, *-нік*, *-чык*, *-ицкык*, *-няк*, *-анка*, *-анька*, *-ачка*, *-оўка*, *-урка*, *-ушка*³; в украинском языке: *-ик*, *-ник*, *-ак*, *-няк*, *-як*, *-ач*, *-ок*, *-еньк*, *-оньк*, *-ечко*, *-ячко* и т.д.⁴

В данном случае и в других, аналогичных, речь идет о появлении вариантов моделей, а не новых моделей, как полагают некоторые языковеды⁵, поскольку в своем составе они содержат элементы старой модели.

В процессе проникновения в восточнославянские языки новых слов из других языков в словообразовательной системе имен существительных появились новые суффиксы: *-ист*, *-изм*, *-аж*, *-ар* и др. В ряде случаев заимствованные суффиксы в каждом из восточнославянских языков претерпели изменения фонетического и морфологического характера: ср. бел. *ратунак*, укр. *рятунок*, нем. *Retung*; бел. *студэнт*, укр. *студент*, рус. *студент*, нем. *Student*; бел. *прафесар*, укр. *професор*, рус. *профессор* (суффикс *-ор* заимствован из латинского) и т.д. Некоторые из названных суффиксов стали в восточнославянских языках продуктивными, как, например: *-ист*, *-аж* — в русском языке, *-іст* — в украинском и белорусском языках.

Одной из наиболее характерных черт суффиксального словообразования в рамках имен существительных в восточнославянских языках является его стабильность и компактность. Древние модели и их новые варианты

¹ Примеры взяты из документов, опубликованных Е. Ф. Карским, *Труды по белорусскому и другим славянским языкам*, Москва, 1962, стр. 246, 310, 337, 499.

² Н. М. Шанский, *Очерки по русскому словообразованию и лексикологии*, Москва, 1959, стр. 90, 127.

³ Т. П. Ломтев, *Белорусский язык*, Москва, 1951, стр. 116.

⁴ О. М. Пархоменко, *Українська мова*, ч. I Київ, 1956, стр. 194—203

⁵ См. Н. М. Шанский, *указ. раб.*, стр. 90.

занимают центральное место во всех восточнославянских языках. Инновации, встречающиеся в рамках лишь одного языка, немногочисленны, например: в украинском языке -*ани*(я), -*ени*(я), -*ини*(я): *почування, захоплення, розуміння*; -*уган, -иган*: *дідуган, стариган* и т.п.; в белорусском языке: -*ульк*(а), -*эч*(а): *бабулька, халадэча* и др.

Однако, изменения, которые имели место в восточнославянских языках в соответствии с законами их развития, затронули и систему словообразования, в частности суффиксальное словообразование имен существительных. Появляются новые варианты древних суффиксов: ср. рус. барабаничик, белор. барабаничык; рус. радость, белор. радасць, укр. радість и др.

Более значительные изменения произошли в области функционирования суффиксальных моделей имен существительных. Понятие продуктивности или непродуктивности соответствующей модели довольно часто не совпадает в сравнительно-синхронном плане. Например, очень продуктивная модель с суффиксом -чик (-чик) в русском языке становится мало продуктивной в украинском: ср. доменчик, но и доменник, турбінчик, но и турбінник. То же самое следует сказать и в отношении модели с суффиксом -тель и др.

Расширение или сужение сферы функционирования суффиксальной модели оказывает воздействие и на её семантику. Однако, в ранний период развития восточнославянских языков корреляция между словообразовательными моделями и лексико-семантическими группами в рамках имен существительных не была тождественной в русском, украинском и белорусском языках. Ср. белор. *поне́д'локъ, коронокъ, горнець, поганка, скѣдокъ* (Е. Ф. Карский, *Труды...*), рус. *поне́дѣльникъ, барашекъ, горшокъ, язычникъ, скидетель* (И. И. Срезневский, *Материалы...*).

Яснее выявляется это различие в сравнении с моделями старославянского языка. В *Лексиконе* П. Беринды: *агнѣць — баранокъ, агница — овечка, алчѣба — голодность, безѹмнѣ — шаленство, безчестнѣ — срамота, возатай — возница гонитель — преслѣдовца* и т.д.

Итак, в восточнославянских языках не только увеличилось число суффиксальных словообразовательных моделей имен существительных по сравнению с древнерусским языком, но и изменилось их распределение по лексико-семантическим группам, где встречается значительное количество новых элементов, ранее не известных.

Способы функционирования лексики и словообразовательных моделей отличаются друг от друга, хотя между ними имеется и взаимосвязь. Правда, существует и Аругое мнение. Например, академик Л. А. Булаховским, который считает, что область словообразования «является одной из наиболее творческих, наименее замкнутых в грамматике языка... Тенденция к системе в проведении словообразовательных элементов на каждом шагу наталкивается на препятствия, ее дезорганизующие»¹.

Признавая большую стабильность системы словообразования по сравнению со словарем, мы не абсолютизируем этот факт. И в этой области, как было указано выше, происходят количественные и качественные изменения. Однако, тенденция к системе в области словообразования больше, чем в области лексики.

¹ Л. А. Булаховский, *Курс русского литературного языка*, Киев, 1949 стр. 100—101.

DERIVAREA SUFIXALĂ A SUBSTANTIVELOR ÎN LIMBILE SLAVE RĂSĂRITENE

(Rezumat)

Articolul își propune să stabilească tendințele comune și particulare, precum și rolul tradiției și inovațiilor în dezvoltarea derivării cu ajutorul sufixelor a substantivelor în limbile slave răsăritene.

Pentru limba rusă veche sint caracteristice trei tendințe principale: 1) tendința spre conservarea modelelor neproductive; 2) tendința spre lărgirea sferei de funcționare a modelelor derivate existente; 3) tendința spre crearea unor modele noi.

În perioada când s-au format cele trei limbi slave răsăritene: *rusa, ucraineana și bielorusa*, sistemul derivativ moștenit din rusa veche a rămas ca o parte componentă a sistemului derivativ al fiecăreia din aceste limbi. Îmbogățirea lui se va produce pe două căi principale: 1) prin formarea unor variante noi de sufixe, pe baza modelelor existente în rusa veche și 2) prin împrumutarea unor mijloace derivate din alte limbi, concomitent cu împrumutarea unor cuvinte. Cele mai importante schimbări s-au petrecut însă în domeniul funcționării modelelor sufixale ale substantivelor. Lărgirea sau restrângerea sferei de funcționare a modelelor sufixale a avut, evident, repercursiuni și asupra semanticii lor.